

«праведны», как их спаситель Ваня, по прозвищу Иван Царевич. Греческий мальчик неожиданно обнаруживает серьезный порок – жадность, в то время как русские дети абсолютно лишены недостатков. Правда, Ваня иногда бывает тщеславным, но с этим грехом он усердно борется.

Автор книги не жалеет темных красок для изображения школы волшебников. Присутствующий в книге Гарри Поттер и его учителя – кровожадные злодеи, мечтающие о власти над миром и приносящие в подземелье замка жертвы сатане (как уже было сказано, этот персонаж часто занимает воображение авторов «назидательных» книг). Кроме того, автор часто прибегает к «сильным» выражениям – книга изобилует грубыми жаргонизмами, ругательствами на русском и английском языках. Приходится признать, что эту книгу невозможно рекомендовать детям.

Так что же читать детям из верующих семей? Ответ был дан в начале XX века о. Серафимом Роузом – прежде всего следует читать русскую и мировую классику. Прежде чем научиться быть христианами, дети должны стать просто хорошими людьми.

Л. Н. Скаковская

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В РАССКАЗЕ ЮЛИИ ВИНЕР «ШОПИНГ – ЭТО ВСЕ»

С 80-х годов XX века в российском литературном процессе появилось понятие «новый реализм». Для произведений, которые литературная критика относит к этой волне, характерны «некое преобразование реальности в «масштабах Истины»¹. Писатели этого направления, вычлняя самое характерное, изображают воздействие общественной среды на судьбы людей. При этом произведения часто требуют двойного или тройного прочтения, полны неоднозначности и

¹ Ганиева А. И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе // Новый мир. 2007. № 3. С.78-84.

символичности. Сюжетом, как правило, становятся человеческая неустроенность, отчужденность, неудовлетворенность, безвыходность образа жизни, истории о том, как убогий быт и безденежье накладываются на общечеловеческую проблему взаимоотношений поколений. Достаточно упомянуть плывущего по течению, переходящего из повести в повесть автобиографического героя Романа Сенчина; доживающих свой век в жутких «хрущобах» и никому не нужных одиноких старушек Марины Палей или ее же любящую всех и всеми презираемую «Кабирию с Обводного канала»; бездонную пропасть «Чумы» Александра Мелихова; могильщиков и бомжей Сергея Каледина, мать и дочь, одновременно любящих и ненавидящих друг друга, в романе Ольги Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» и др. Критика часто обвиняет этих писателей в бескомпромиссности, жесткости письма, безальтернативности отображаемой жизненной картины, мировоззренческом слиянии со своими разочаровавшимися героями.

Изображение жизни маленького, ничем не примечательного человека, чаще всего – женщины избирает предметом своего писательского труда Юлия Винер. Она окончила сценарное отделение ВГИКа, с 1981 года живет в Иерусалиме, но регулярно публикуется в российских «толстых» журналах. Только в течение 2006 года ее рассказы были опубликованы в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь» и др. Большой резонанс вызвали ее повести «Снег в Гефсиманском саду», «Собака и её хозяйка», «Место для жизни. Квартирные рассказы», опубликованные в «Новом мире» в 2004-2006 гг. Повесть «Красный алмаз», как известно, вошла в «длинный список» номинантов премии «Русский Букер - 2006». Литературная критика характеризует ее произведения последних лет как «добротную психологическую прозу».

К этой категории литературных произведений можно отнести и опубликованный в 2007 году в журнале «Новый мир» рассказ писательницы «Шопинг – это все». При прочтении первых строк читателю может показаться, что рассказ о потребительстве, вещизме, бездуховности. Пожилая женщина ежедневно приходит в универсальный супер-магазин и проводит там целый день,

не замечая хода времени. Уже выходя из дома, она с наслаждением предвкушает эту встречу. Там всегда лучше, чем дома или на улице: *«Если зима – опахивает теплом, а если лето – свежей кондиционерной прохладой... В зале всегда чудесно пахнет, а иной раз, если повезет, подойдет девушка и еще прыснет на тебя какими-нибудь хорошими духами...»*¹. Но выясняется, что женщина никогда ничего не покупает, разве что «для стряпни что-нибудь из продуктов». Она подолгу и с большим интересом разглядывает вещи на распродажах, которые она уважительно называет *«мероприятиями»*. Постельное белье с небольшим, почти незаметным дефектом. Ей белья не нужно, у нее *«есть три смены»*, но она разворачивает и подробно изучает несколько комплектов. Долго перебирает украшения – золото и бижутерию, примеривает разные женские вещи, рассматривает мужскую и детскую одежду, игрушки, утюги, фены, тостеры, миксеры, микроволновые печи, вентиляторы, радиаторы, компьютеры... И все время мысленно многословно рассуждает об их достоинствах и недостатках. У некоторых продавцов своим странным поведением она вызывает раздражение, которое передается и читателю.

Но уже со второй страницы читатель догадывается, что странное поведение женщины объясняется вовсе не ее пустотой и недалекостью. Таким образом она пытается уйти от своего одиночества, от мучительных мыслей о пережитой жизненной трагедии. Ей не с кем «проговорить» свою боль, вот она и пристрастилась общаться с вещами, а если повезет, перекинется парой ничего не значащих фраз с продавщицей или охранником.

Одиночество героини глухо и беспросветно, и автор усиливает это впечатление монологичностью изложения: весь рассказ – непрерывный поток ее мыслей.

Далее к читателю приходит догадка, что сознание героини находится в пограничном состоянии. Она выбирает вещи для мужа, дочери с зятем, внуков – как для живых, хотя какой-то дальний уголок ее сознания напоминает ей, что уже пять лет прошло, как они все погибли. *«До сих пор не понимаю, почему я не*

¹ Здесь и далее ссылки даны на Интернет-издание «Журнальный зал. «Новый мир». 2007. № 3» с указанием страницы.

купила Мишеньке автомат с трассирующими пулями, он так просил...Мне самой было занятно...А купила вместо этого кубики с буквами. Мишенька сказал, бабушка, подумай сама, если по дороге на меня нападут террористы, как же я буду защищаться? Кубики в них бросать? Он бы и кубика не успел бросить, офицер сказал, что детей подстрелили сразу, и Верочку тоже, один Генка еще сумел как-то довести машину до заставы.. И я должна радоваться, что быстро и без мучений, даже Генка недолго, и я радуюсь» (5)

Уводя свою душу от невыносимой боли, она снова и снова почти вслух многословно рассуждает о ценах, о качестве игрушек, о вкусе мороженого, которое «пахнет цветочным мылом или другой какой химией». В ее мыслях появляется логика абсурда: «... Мне денег не жалко, но Мишенька-то хотел именно такой автомат.... И вообще, он уже большой мальчик, может, никаких игрушек ему не надо, а надо новый компьютер. А Эрез совсем большой, уже в армию осенью... Спасибо хоть от этого избавился» (5).

Безмолвный монолог героини Ю. Винер напоминает рассыпающуюся мозаику из разных коробок, которую кто-то неловкий и неуклюжий снова и снова пытается собрать в стройную и ясную картину. Но картины не получается, потому что все время попадают кусочки не из той коробки, любая мелочь вызывает в памяти ассоциации с «той» жизнью: «Компьютеры тоже на первом этаже... Я в них мало понимаю, но мне нравятся тепереиние плоские экраны, называется «плазма». Странное название, не знаю, при чем тут плазма. Верочку еще пытались оживить, кровь переливали, вот там действительно была плазма, но в компьютере? Какая в нем кровь? Неживая машина, а как мальчишки его любили! ... Даже Томик маленький лез, а старшие его отгоняли. Надо всем троим, каждому по компьютеру...» (6).

Героиня нанизывает и нанизывает слова на невидимую нить мысли. Нить фрагментарна, прерывиста, с постоянными неожиданными переходами. Рассыпающаяся мозаика ее мысли – как символ ее разрушающегося мира.

Однако если читатель попытается объединить кусочки ее воспоминаний о той жизни, когда все ее близкие были живы, то складывается картина ее

взаимоотношений с мужем, дочерью, зятьями и внуками. И картина эта не оставляет иллюзий: ее одиночество наступило еще тогда, когда вся семья была вместе. Более того – в этой семье все были внутренне одиноки: мало понятые и мало любимые друг другом. До сих пор героиня муссирует обиды на всех. Рассматривая ожерелье, она вспоминает, как муж когда-то раздраженно говорил ей: *«Не вешай ты ничего на шею, которой у тебя нет»* (2). Гибель дочери она интерпретирует как предательство своих личных интересов: *«О матери она вообще не подумала, а я буду ее кольца беречь?»* (2), и в то же время на каких-то задворках ее сознания ведется эгоистичный подсчет выгод, которые она лично получила от смерти дочери и внуков: *«От нее и другого много добра осталось, и квартира прекрасная, разве я когда-нибудь мечтала жить одна в трехкомнатной квартире. Ей-то она досталась легко... Она бы, конечно, оставила все детям»* (2). До сих пор ее раздражает поведение внуков: *«Мишенька очень любил голубцы, вечно хватал их с тарелки руками. Схватит и надкусит, сок течет прямо на грудь»* (3).

На примере этой семьи видно, как трагически складываются взаимоотношения близких людей, не способных и не желающих прощать друг другу маленькие слабости, идти на компромиссы. Они напоминают дикобразов, которые, пытаясь обняться, ранят друг друга своими колючками.

Одиночество затягивает, как омут. Героиня уже не нуждается в близости с людьми. В магазине за ней ходит по пятам другая женщина – по-видимому, такая же несчастная и одинокая, каким-то животным инстинктом почуявшая в ней ту же муку, которую испытывает сама. Отчаянно пытаясь ускользнуть от сползания в тихое безумие, она преследует героиню, ища общения. Однако та априорно отвергает ее желание: она раздражает героиню, как когда-то раздражали дочь, муж, зятья и внуки: *«...Когда я на нее ни гляну, почти всегда и она на меня смотрит. Познакомиться хочет, что ли? Может не надеяться, дура несчастная. Яркий пример того, как способна опуститься одинокая пожилая женщина. При ее фигуре надеть такую короткую юбку!... Тоже, наверное,*

вдова... Но мне такая поддержка не нужна, слушать про чужие беды и слезы размазывать» (3).

Всеобщее взаимное непонимание глобально. Складывается впечатление, что картина мира рушится для всех. Даже поддавшись импульсу помочь ближнему, люди, как правило, непоследовательны в своих поступках, а предложенная помощь воспринимается как стремление навредить, ограничить свободу, лишить последнего утешения.

Единственный реальный диалог, который представлен в рассказе, происходит между героиней и служащими социального отдела, пришедшими забрать ее в приют. Женщина отчаянно сопротивляется, и помощь к ней приходит от самой грубой продавщицы, которая вдруг называет себя ее дочерью. Однако этот импульсивный жест ничего не изменит в жизни героини, более того – он создаст проблемы и жалостливой продавщице: *«Администратор наклонился к русской продавщице и тихо проговорил:*

- Уводи свою мать отсюда к чертовой матери. Какой скандал устроили! И сама можешь не возвращаться. Завтра придешь в бухгалтерию, получишь, что тебе следует» (8). Они уходят вместе, такие же одинокие и не способные расстаться со своим одиночеством.

«- Как же я теперь буду? – спросила я вслух.

- Как будете? – сказала она сердито. – Да так и будете. Мало кругом больших магазинов? -

И резко свернула в сторону» (8).

Читать такие произведения психологически трудно, так как многие из них открывают читателю «тихие ужасы» повседневной жизни, которые творятся за закрытыми дверями. Но, к сожалению, в жизни встречаются не только «гламурные» переживания героинь Оксаны Робски, но и настоящие человеческие драмы, подобные описанной в рассказах Юлии Винер. Хочется думать, что сопереживание, сочувствие, сопоставление психологии героев с собственной психологией читателя способны сотворить своеобразный катарсис в его душе, а может быть – удержать от стремления уйти в другую реальность, еще более